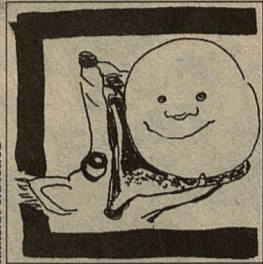

Русский телеграф
- 1998. - 6 июня. - с. 7

Приезд английского композитора Майкла Наймана (см. подборку на стр. 8) стал суперсобытием московской культурной жизни — не только сам по себе, но и по своим последствиям. Два дня, собравшие в консерватории весь столичный свет, полусвет и свет на одну восьмую, воротничков с телефонами и рейверов, тщательно, перед зеркалом, выпачкавших ради знатного концерта, объединили всю московскую публику, претендующую быть или слыть модной. Но раскололи профессионалов. Пожалуй, впервые в здание на Большой Никитской, к которому было ни пройти ни проехать от запрудивших улицу машин, пришли люди, отроду там не бывавшие, и галерея, забитая демократическими безбилетниками, раскачивалась в такт музыке, как на рок-концерте. И вслед за ними качала головой музыкальная общественность, неприятно озадаченная этим казусом.

Музыка должна быть буржуазной

Антон Батагов

больше не композитор для НТВ

Пианист, о концертах которого грустят любители музыки XX века и не только, элитарный автор самостоятельных сочинений и музыки к фильмам Ивана Дыховичного, был официальным композитором всего года. Его работу на канале НТВ одни расценили как измену творческим идеалам (по странному стечению обстоятельств музыканта считали альтернативщиком, и работа на НТВ стала последней каплей в серии измен), другие — как одну из наиболее удачных форм социализации современного автора. «Дизайн-бюро НТВ», в штате которого оказались графики Елена Китаева, Андрей Шелютто и композитор Антон Батагов, за новое оформление канала получило «Тэффи». Телевидение благополучно съело некоторую часть их вполне эстетских работ. Это при том что заставки настолько же эффектны, телевизионны (то есть лаконичны и насыщенные), насколько ироничны. Но не все в этой истории касается телевидения. Сочинение заставок НТВ оказалось хорошей новостью в местной ситуации, где пафос непризнанной гениальности долго считался движущей силой искусства.

Востребованность теперь входит в моду. Киномызыка из способа выжить превращается в серьезный стиль. Сколько, скажем, модный среди эстетствующей публики композитор Леонид Десятников ни божился не использовать кинонаработки в серьезном творчестве, выяснилось, что сюита из музыки к «Закату» стала самой исполняемой музыкой этого автора. Более молодое поколение композиторов вообще не видит принципиальной разницы между считавшейся раньше прикладной музыкой для кино и тем, что считалось раньше музыкой серьезной. Другой вопрос, что «образ жизни» современной музыки меняется мало. Банки, которые покупают коллекции модного визуального искусства и спонсируют кремлевский рок-н-ролл, не покупают музыку современных композиторов. Единственное исключение — опера «Диалог», сделанная Батаговым два года назад по заказу одноименного банка. Шлейф от этой художественно-рекламной акции тянется до сих пор. А эффект от нового оформления НТВ может оказаться еще долговременней и влиятельней. С **АНТОНОМ БАТАГОВЫМ**, не жалеющим о расставании с должностью, беседует **ЮЛИЯ БЕДЕРОВА**.

А. Б. То, что я служил «композитором», — факт очень трогательный, напоминает что-то из гайдновских времен. Было сделано примерно 600 работ, в том числе самое короткое сочинение в моей жизни длиной в 1 секунду. Вся идеология нового оформления разработана Китаевой и Шелютто. В результате НТВ действительно звучит и выглядит иначе. Дело в том, что в мире существует некоторое количество специальных библиотек на компакт-дисках — там есть записи от шумов до музыкальных фрагментов разной длительности, — и все телевидение в мире ими пользуется как одобренными образцами телевизионно-музыкального мейнстрима. Это такой же пафосно-шаблонный стиль, как голливудская киномызыка. Только втиснутый в несколько секунд телевизионного времени. Слово слушаешь последние несколько тактов всех симфоний Бетховена одновременно. И получается, что теоретически возможны буквальные совпадения. А кроме того — это просто диктатура идиотского пафоса. Вообще гипертрофированная потребность в пафосе у людей, работающих на ТВ, — уже род диагноза.

Ю. Б. Вашей команде вполне удалось озвучить канал по-другому. Это потребовало наступить на горло собственной песне?

А. Б. Как-то само собой вышло, что за этот год я освободился от многого лишнего. Перестал держаться за авторскую стилистику. Вообще перестал относиться к стилю как к своей собственности. Есть разные стили, и любой может ими пользоваться. Вопрос — кто. Другое дело, что все-таки есть какие-то рамки, некая зона, куда внутренний механизм уже не пускает. Тут и начинаются конфликты с начальством. Я могу вторгаться в поисковую сферу, до какой-то степени делать ее своей. Но есть пределы.

Ю. Б. Значит, на горло наступил все-таки ты, но не себе, а кому-то другому?

А. Б. Просто вначале у телевизионного начальства было желание сделать канал узнаваемым, отличным от других. Был задан этот новый тон. Потом появились требования все-таки делать то, что «надо». Была такая чудесная фраза «Музыка должна быть не интеллектуальной, а буржуазной». Понимай как хочешь.

Ю. Б. А как понимаешь ты?

А. Б. Очень любопытно это понятие буржуазности. Здесь оно совпадает с тем, как при советской власти все ходило в одинаковых пальто. Правильная ТВ-музыка — это соединение SNN и чего-то необычайно провинциального. Скажем, заставки к программе «Сегодня», которые так и не удалось переделать, — квинтэссенция пафосности, причем не в американском окултуренном варианте, а в кондово-совковом. В общем, я долго уворачивался от требований, пока не наступила взаимная невозможность работать дальше. Но результат мне нравится. Заставки с одной стороны конкретные, с другой — вполне эстетски-абстрактные. Короткие, но самодостаточные, законченные.

ВЛАДИМИР КАРНИН

Ю. Б. Какие произведения ты любишь больше?

А. Б. К программам «Свадьба», «Большие деньги», «Сегодняшнее», «Итоги».

Ю. Б. А разрушить стереотип «погодной» музыки, кажется, так и не удалось.

А. Б. Да, там звучит не моя работа.

Ю. Б. Что ты будешь делать с НТВ-ным материалом? Кажется, год назад ты планировал что-то переделать в «большую» музыку.

А. Б. Большую в смысле продолжительности или вечности?

Ю. Б. Как тебе больше нравится.

А. Б. По поводу вечности это не ко мне, а по поводу переделок — нет, я собираюсь издать их абсолютно в том виде, в каком они сейчас существуют. На диске будет 74 сочинения. Самое длинное — кажется, 4 минуты 33 секунды.

Ю. Б. ?

А. Б. Непреднамеренно. Называться диск, видимо, будет «Контракт сочиняльщика». Еще, надеюсь, выйдут «Save changes before closing?» и саундтрек к фильму Дыховичного «Незнакомое оружие, или Крестоносец-2».

Ю. Б. Есть мнение, что всем композиторам нужно раздать должности, чтобы не сочиняли для вечности.

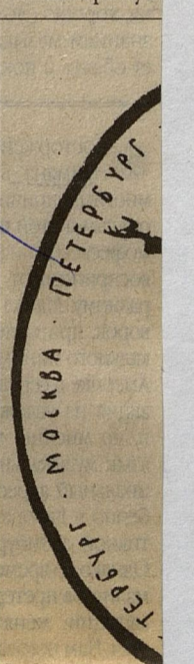
А. Б. Чтобы оправдывали доверие, что ли? Если уж на то пошло, для вечности писали только дураки. Что-то забылось, что-то осталось. Но процесс этот вряд ли поддается контролю. Вот, скажем, Найман сочинил музыку для новой скоростной железной дороги. Всем от этого хорошо. И Найману, и нам, и поезду наверняка ходят лучше.

На финском

Русский телеграф
- 1998. - 6 июня. - с. 7

Накануне Дней городской крепости ставка «Две столицы Петербурга». Безальтернативная помпа Комнатах Коммуны публике были представлены исторические материалы 1703–1917 годов сцены политической и культурной жизни городов — притока, картина документов и руины местных музеев.

Ждали эту выставку больше, чем к ней в нефтяных кругах брождалась лавина Соколов (иной газеты) «На художника Алекса люди сугубо своей истории горды относятся. Петербург — место, где движутся и вменяемые, спонсоры, присутствие и министра культуры».

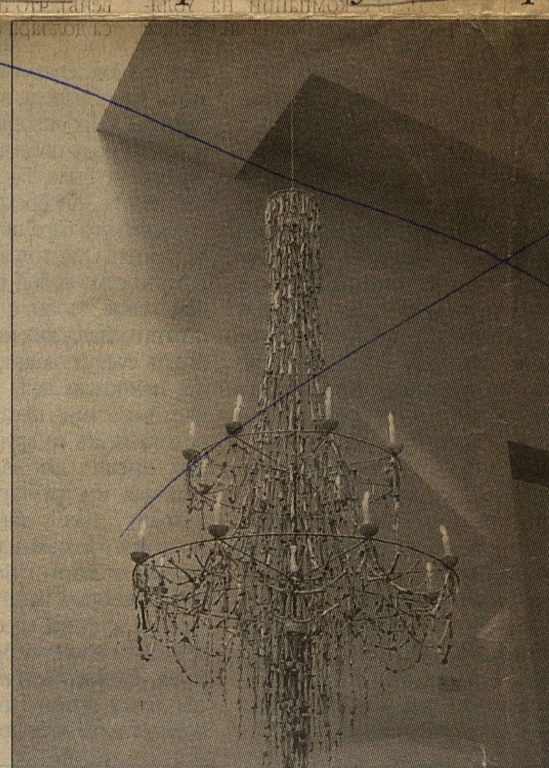

Художественная жизнь по-фински

В Хельсинки открылся музей современного искусства

Название ему дано необычное. Kiasma. Все многочисленные интерпретации этого слова содержат образ перекрестка (знак X), буквально — нервных окончаний, фигурально — мечты и реальности, архитектуры и живописи, кривизны и прямолинейности.

Специально для музея в центре города, в двух шагах от финского парламента, железнодорожного вокзала и рядом с конным памятником Маннергейму, было возведено новое здание по проекту американца Стивена Холла, который нашел удачное сочетание современных архитектурных принципов и типично финской крестьянской грубоватости. Финские интеллектуалы не устают повторять, что своеобразие финского менталитета составляет благоприятное отсутствие в их истории аристократии как класса, высокомерия как черты национального характера плюс крестьянская (и протестантская) основательность в генезисе: почти все современные финны — дети или, по меньшей мере, внуки крестьян. Поэтому внутри музея, облицованного медными и железными пластинами, так

граммной — экспозиция будет меняться каждые полгода, и каждый раз какие-то работы будут специально создаваться именно для нее. При этом руководство музея не обязано приобретать выставленные и заказанные работы, оплачивается только право экспонировать их во время полугодового цикла. Но за музеем сохраняется право первой ночи — вполне галерейный принцип.

Kiasma имеет пять этажей, общая площадь — 12 тысяч метров. Музей перенасыщен электронными указателями, расположенными буквально на каждом повороте. Дисплей с кнопками помогает ориентиро-

старую дверь из обожженного дерева, наполовину стеклянную, наполовину деревянную, с кривыми гвоздями, скобаченным замком, сквозь меловую побелку стекол проступают два процарапанных слова — «туалет» и «умывальник».

Однако то, что увенчалось в меру грандиозной, но стильной постройкой музея современного искусства, начиналось со скандала. Консерваторы, которых не мало и в финской столице, оспаривали буквально каждый шаг в реализации проекта.

Поначалу они были недовольны выбранным местом — рядом с памятником Маннергейму, многие боялись, что конную статую нужно будет переносить, но Стивен Холл оставил Маннергейма в неприкосновенности, а в самом здании предусмотрел специальное окно, из которого как подарок открывается панорамный вид сверху и сбоку на финского героя в русской шапке-ушанке. Затем проснулись патристические и национальные амбиции, смысл которых суммировал вопрос — почему лакомый проект достался не финскому, а американскому ар-

тора (ждали мо — не дождался). При этом ни шенных не сом будет решена в, ного соперничес имной явной р зависти и неист есть Запад, Вост Поскольку вряд найти более удоб рать все обиды и лица-падчериц богатой Москвой. Получилось катно описанн ские различия, страстия тракт фы и несчастья верждение рав ской значимост Что, по мнению выставки Люд